

КАМИЛА ЛЕВИТАН

▲
5

БОЛЬШЕ
ЧЕМ
ПРОСТО
ЭТАЖИ

Измена мужа.

Лифт раскрыл
твою тайну!

Камила Левитан

**Измена мужа. Лифт
раскрыл твою тайну!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Измена мужа. Лифт раскрыл твою тайну! / К. Левитан —
«Автор», 2026

Я возвращалась домой, когда лифт остановился на пятом этаже. Вошёл мой муж. С женой влиятельного инвестора. Они думали, что я не замечу, как Денис целует её руку. А на следующий день фотография этого поцелуя появилась в семейном чате! Когда я потребовала объяснений, муж объявил меня истеричкой, заблокировал счета и выставил из квартиры. Даже мои вещи выбросил в мусорных пакетах! Но он забыл одну деталь. Я — архитектор. И именно я проектировала здание, где хранятся его грязные секреты! Теперь у меня есть чертежи, записи камер и опасный союзник. Ты хотел лишиться меня всего, дорогой? Тогда приготовься потерять свою империю!

© Левитан К., 2026

© Автор, 2026

Камила Левитан

Измена мужа. Лифт раскрыл твою тайну!

Измена мужа. Лифт раскрыл твою тайну!

Камила Левитан

Глава 1

От ледяного дождя промок воротник, и на ходу я никак не могла оттянуть его от шеи. Встреча с заказчиком отменилась, редкий подарок: успею домой засветло. Я работала в бюро, брала частные заказы и уже считала нормальным обедать над чертежами. Сегодня хотела хотя бы поужинать сидя. Дойдя до «Авроры», я прибавила шаг.

Ресепшн нашего элитного ЖК «Аврора» встретил меня тишиной, нарушаемой только гулом кондиционеров. Консьерж, обычно улыбающийся до блеска глаз, смотрел куда-то поверх моего плеча, его пальцы нервно барабанили по стойке.

— Карта не читается, Маргарита Ивановна, — буркнул он, даже не поднимая головы. — Система зависла. Или ваша карта... размагнитилась.

Я еще раз приложила карту. За мокрой прядью, падавшей на глаза, было плохо видно считыватель, но красный огонек я различила. Виталий перестал барабанить пальцами. Только что говорил о сбое, а теперь ждал, что я сделаю. В этом доме даже перегоревшую лампу меняли раньше, чем успевала пожаловаться; моя карта почему-то оказалась менее важной.

— Просто открой турникет, Виталий, — мой голос прозвучал резче, чем я хотела. — Я живу здесь третий год. Ты знаешь меня лучше, чем свою жену.

Виталий посмотрел мне за плечо. Я оглянулась: никого. Он нажал кнопку, только когда я снова повернулась к стойке. Хотелось спросить, кого мы ждем, но сумка оттягивала плечо и я торопилась снять пальто.

За турникетом я направилась к открытому лифту. Кабина пустовала. Нажала одиннадцатый и отступила от дверей, чтобы сумку не защемило. Обычно до нашего этажа я даже не успевала прочесть сообщения. Сегодня номер второго загорелся только после долгого гудения.

На втором этаже она остановилась. Двери не открылись. На третьем табло снова замерло. До четвертого я доехала, уже прислушиваясь к мотору.

Я перехватила ремень сумки и взглянула на кнопку вызова диспетчера. Неужели застряну между этажами? Рабочие чертежи упирались углом в бок; хотелось поскорее снять мокрое пальто, а не объяснять очередному человеку, почему мне положено попасть домой. Над кнопкой мигнул номер пятого этажа. Я уже поднесла палец к вызову, но номер этажа перестал мигать.

И тут двери разъехались. Не на моем этаже. На пятом.

В кабину вошел Денис.

На муже был шоколадный костюм, который я любила больше его остальных. Манжеты выглядели ровно настолько, чтобы видеть часы, мой подарок на годовщину. Он вошел, и знакомый «Aventus» перебил запах мокрого пальто. Я чуть не улыбнулась: значит, ужинать сегодня будем вместе.

Следом вошла Виктория, жена Глеба Архангельского, главного инвестора компании Дениса. Она держала спину так прямо, что я невольно расправила плечи. Потом пожалела: мокрая, с тяжелой сумкой — зачем еще соревноваться? Виктория повернулась к зеркалу, не поздоровавшись.

Двери закрылись. Кабина дернулась, возобновляя путь наверх.

Мы ехали молча. Я ждала, что Денис возьмет сумку: он видел, как я все время поправляю ремень. Муж стоял в двух шагах и даже не спросил, промокла ли я. Виктория заслонила половину зеркала, и мне пришлось чуть податься в сторону, чтобы увидеть его лицо. От собственного ожидания этой маленькой заботы вдруг стало стыдно.

Денис стоял слева от панели, Виктория — у зеркальной стены справа. Я ждала, что кто-нибудь скажет «привет». Муж смотрел в телефон. Наверное, опять работа; я уже придумала ему оправдание, когда он опустил руку.

Я подняла глаза на большое зеркало напротив дверей.

И замерла.

Сначала я узнала его часы. Те самые: выбирала размер браслета, чтобы не болтались на запястье. Часы были на руке, которой он держал Викторию. На секунду мне захотелось сказать: «Сними их». Не спросить, что он делает. Потребовать вернуть хотя бы то, что я сама застегнула на нем.

Денис держал руку Виктории в своей левой ладони. Его пальцы, длинные и сильные, сжимали ее запястье с собственнической нежностью. А правой рукой он бережно, почти благовоспитанно, прижимал тыльную сторону ее ладони к своим губам.

Для приветствия он держал ее слишком долго. Я знала, как Денис целует руку: коснется губами и уже ищет глазами следующего собеседника. Сейчас он никуда не торопился. Виктории достались эти лишние секунды, которые он вечно экономил на мне.

Виктория подалась к нему и чуть повернула запястье — удобнее для поцелуя. Я видела, как Денис прикрыл глаза. Ее ладонь оставалась у его рта. Сосчитать секунды я потом не смогла, зато этот поворот руки запомнила сразу.

Я перевела взгляд с зеркала на его плечо и обратно. Может, за рукой пряталось что-то еще, какая-нибудь застежка, которую он помогал поправить? Хотелось найти нелепое, смешное объяснение и потом извиниться перед ним за подозрения. В зеркале оставались его губы на чужой коже.

Я резко отвернулась, уткнувшись взглядом в экран своего телефона. Черный дисплей отражал мое лицо — бледное, с расширенными зрачками. Я включила камеру, делая вид, что проверяю макияж. Любая активность, любая задача, чтобы заглушить крик, нарастающий в груди.

«Ничего не было, — твердила я себе. — Ты ошиблась. Свет бликовал».

Лифт начал тормозить. Этаж одиннадцать. Дом.

Двери начали раздвигаться.

Движение было мгновенным, отработанным. Денис резко отдернул руку, как обжегшись. Виктория одним плавным движением поправила блузку, скрывая следы чужого прикосновения.

Они оба повернули головы ко мне.

Денис посмотрел сначала на телефон в моей руке, потом мне в глаза. Я удержала экран к себе. Пусть не знает, успела ли снять. Раньше мне хватало его поднятой брови, чтобы начать объяснять, почему молчу. Сейчас я прикусила язык. Он подождал, но своего объяснения тоже не предложил.

Виктория улыбнулась мне. Я смотрела на ее руку — только что Денис прижимал ее к губам, теперь она спокойно поправляла серьгу. Захотелось отбросить эту руку от лица, сбить улыбку. Я крепче сжала телефон и отвела взгляд к табло: одиннадцать.

Первое слово уже стояло у меня в горле. Грубое, заслуженное. Виктория слегка наклонила голову, будто приглашала его произнести. Я представила, как Денис потом расскажет матери: Рита устроила сцену, даже слушать не захотела. Про свои губы на чужой ладони он забудет. Про мой крик запомнят все.

Нет.

Телефон я убрала в карман и выпрямила спину. Сжала кулаки в карманах пальто, ногти впились в ладони. Боль помогла вернуть контроль над телом.

— Привет, соседи. Сказать «привет, любимый» после увиденного я не смогла. У Дениса напряглась щека. На нее я и смотрела, пока Виктория продолжала улыбаться.

Денис моргнул. Кажется, он ожидал слез или обвинений. Вместо этого получил равнодушие. Он расслабил плечи, почти незаметно, но я заметила. Он перевел дух.

— Рита, привет, — сказал он. И его голос был теплым, заботливым, таким, каким он говорил со мной каждый день последние пять лет. — Почему так рано? Я думал, у тебя совещание до семи.

— Отменили. Я ждала следующего вопроса: надолго ли я видела их через зеркало? Денис лишь кивнул. Ему хотелось оставить мой ранний приезд такой же бытовой мелочью, как отмененную встречу.

Виктория тихо рассмеялась. Звук был приятным, мелодичным, но в замкнутом пространстве лифта он резал уши, как стекло.

— Женщины всегда находят оправдания для ранних побегов, — сказала она, поправляя серьги. — Денис, ты такой занятый мужчина, бедная Марго совсем себя не помнит от одиночества.

Она использовала домашнее сокращение моего имени. Марго. Так называли меня только близкие друзья и мать Дениса. Виктория подчеркивала дистанцию. Она говорила обо мне так, будто меня здесь не было. Денис даже не повернул головы.

Двери полностью открылись. Одиннадцатый этаж.

Виктория первой вышла из кабины. Она не оглянулась. Ее каблуки простучали по мрамору холла, удаляясь, уверенно, ритмично.

Денис остался. Он сделал шаг назад, пропуская меня вперед.

— После вас, мадам, — произнес он с легкой иронией, открывая дверь нашей квартиры на одиннадцатом этаже, когда мы вышли в общий коридор.

В дверях я привычно подняла руку к его рукаву и тут же поправила ремень сумки. Не хочу касаться — и все равно тянусь. Денис придержал дверь, не замечая, что я едва не прижалась к нему, как обычно.

Я задержалась у порога, проверяя, не оставлю ли следов на полу. Привычка сработала раньше злости, и я чуть не рассмеялась. Он может целовать соседку у меня за спиной, а я все еще беспокоюсь о его чистом паркете. Вошла, не вытерев подошвы. Маленькая, глупая месь, но хотя бы моя.

Глава 2

Квартира встретила нас привычной тишиной дорогого ремонта. Холодный свет встроенных светильников, запах свежей выпечки из кухни (домработница приходила днем), звенящая чистота полов.

— Я в душ, — бросил Денис, проходя мимо меня в ванную. — Ужин через час. Закажу суши? Или ты сама приготовишь? Помнишь, я люблю твой рис с креветками.

Я поставила сумку у дивана. На стене висела картина из Италии; посмотрела на нее, чтобы не смотреть на дверь ванной. Домработница оставила выпечку, муж заказал рис, все для обыкновенного вечера было на месте. Я одна не знала, как продолжать его после лифта.

Мой телефон завибрировал в кармане. Один раз. Короткий импульс, как удар сердца.

Я достала его. Экран вспыхнул уведомлением.

Групповой чат «Семья и Близкие». Там были родители Дениса, его сестра, несколько ключевых партнеров и... Виктория. Чат был создан для координации праздников и общих дел, но давно превратился в площадку для демонстрации статуса.

Сообщение от пользователя Victoria_A.

Я открыла фото.

На фото Денис целовал ее руку. Тот же поворот запястья, те же часы. Я придвинула экран: кто-то снял крупно, без меня, и теперь мне предлагали разглядывать их вдвоем. Я была там. Почему в этом кадре для меня места не нашлось?

Подпись гласила: «Мы просто соседи, но он так страстно смотрит. Завидую твоей жене, Денис, что ты такой галантный с женщинами. #соседскаялюбовь #москва»

Я посмотрела на дверь ванной. Вода шумела по-прежнему. Он мог выйти сейчас, увидеть на моем телефоне фото и сказать хоть что-нибудь. Я даже задержала экран открытым, словно он способен прочитывать его сквозь стену.

Он знал.

Он знал, что она отправит это фото. Может быть, они обсуждали это. Может быть, это часть игры.

Но почему? Зачем унижать меня перед всем светом? Перед свекровью, которая и так считает меня недостаточно достойной для их сына? Перед партнерами, чьи контракты кормят нашу семью?

Я посмотрела на подписи комментариев. Уже появились реакции. Смешные смайлики. Вопросы: «Рита, правда?». Молчание родителей.

Я увеличила фотографию. Потом уменьшила, чтобы в кадр попали подпись и время отправки. С третьей попытки пальцы перестали промахиваться по кнопке скриншота. На фото можно было смотреть как на улику. Это оказалось легче, чем смотреть как жена.

Я все еще хотела ворваться в ванную. Пусть стоит голый и объясняет, почему целовал ей руку, а мне предлагает сварить рис. Но вода за дверью шумела ровно, без перерыва. Он спокойно мылся. А я должна была дать им еще один кадр — жену, потерявшую голову?

Но эта фотография... Она была слишком идеальной. Слишком вовремя.

Виктория не просто любовница. Она партнер по сделке. Денис не просто предатель. Он игрок.

Я перечитала вопросы: «Рита, правда?» Ни один не был адресован Денису. Объяснять собирались заставить меня. Отвечу на бегу, начну оправдываться, сорвусь — и в этом чате останется то, что я написала в ярости. Уже готовые слова о моей ненормальности. Я положила телефон на стол, чтобы не отправить первую фразу, которую набрала мысленно.

На столе телефон остался лежать минуту. Я дождалась, пока перестану тянуться к строке ответа.

Вместо того чтобы написать ответ, вместо того чтобы побежать к мужу с упреками, я открыла настройки телефона.

Отключила всплывающие уведомления: Денис не должен был увидеть на моем экране этот чат. Затем сделала скриншоты. Каждого сообщения. Каждого комментария. Каждой даты. Сохранила их в защищенное облачное хранилище, к которому у Дениса не было доступа. Пароль был известен только мне.

Экран погас, и я увидела свое лицо. Вытерла щеку рукавом, затем проверила, сохранились ли снимки в облаке. В лифте я искала объяснение, которого очень хотела дожидаться. Теперь мне требовалась копия того, что они не смогут объяснить иначе.

Шум воды прекратился. Дверь ванной начала открываться.

Я быстро выключила экран телефона, спрятав его в карман, и улыбнулась. Улыбка вышла кривой, но живой.

— Рис с креветками будет через двадцать минут, — крикнула я в сторону коридора, где появился Денис с влажными волосами. — Надень рубашку. Нам нужно поговорить о твоей новой инвестиции.

Он замер на пороге. Его глаза сузились. Он ожидал слез. Он не понимал, почему я говорю о бизнесе.

Я пошла на кухню, чувствуя его взгляд между лопатками. Пусть пока гадают, что я знаю об инвестициях. Рис я обещала — сварю. Ответы он мне задолжал, и считать этот долг я собиралась сама.

Телефон на кухонном столе завибрировал так, будто внутри него билось чужое сердце. Экран вспыхнул белым светом, и я увидела имя: «Семья и Близкие». Я знала, что там: фотография, которую уже сохранила, и новые ответы под ней. Хотела оставить телефон экраном вниз, но следующее сообщение увидела бы позже — когда уже не смогла бы ответить. Подтянула его к себе. Мне было важно знать, кто смеется.

Я открыла чат.

Фотография была сделана крупным планом. В отражении зеркальной стены лифта, того самого, пятого уровня, Денис держал руку Виктории. Не просто держал — он нежно целовал её тыльную сторону ладони. Его глаза были закрыты, губы прижаты к коже с такой интимностью, от которой у меня свело живот. Подпись Виктории висела сверху жирным шрифтом: «Мы просто соседи, но он так страстно смотрит. Завидую твоей жене, Денис, что ты такой галантный с женщинами. #соседскаялюбовь #москва».

Я смотрела на слова о жене в подписи. Виктория выставила себя щедрой соседкой, готовой даже позавидовать жене. В комнату зашел бы чужой человек — я бы повернула телефон к нему: посмотрите, вы тоже считаете это галантностью? Одна уже боялась собственного понимания. Рис остывал на плите. Денис, так и не ответив на мой вопрос об инвестициях, заперся в кабинете. Вместо крика я написала под фотографией одно слово: «Объясни».

Ответ пришел через минуту. Сухо, публично, для всех участников чата, среди которых были его партнеры и мои родственники: — Марго, перестань истерить. Это просто соседка по этажу, у неё проблемы с мужем, она ищет внимания. Ты делаешь из мухи слона.

«Истерить». Я написала одно слово, без восклицательного знака. Он мог хотя бы уйти в личную переписку, но выбрал ответ при всех. Проверила еще раз свой вопрос, как проверяют чертеж, на который заказчик уже навесил чужую ошибку. Нет. Истерики там не было.

Я набрала его номер. Гудки шли долго, потом связь оборвалась. За дверью кабинета было тихо. Он не хотел говорить лицом к лицу. За эти пять минут чат взорвался. Кто-то прислал смеющийся смайлик, кто-то написал: «Ого, вот это новости». Я узнавала имена над комментариями. Люди, которым мы наливали вино, кого я встречала у двери и рассаживала за столом, ставили смешные рожицы. Мне хотелось позвонить каждому по очереди и спросить, над чем именно он смеется. Когда он наконец перезвонил, голос был ледяным, спокойным, тем самым тоном, которым он говорил с подрядчиками, недовольными сроками сдачи объекта.

— Ты хочешь, чтобы я потерял контракт на двести миллионов из-за твоей истерики? — спросил он без повышения голоса. — Сядь тихо. Если ты сейчас начнешь скандалить дома или звонить моим партнерам, я выставлю тебя сумасшедшей. Тебе нужна помощь, Марго. Настоящая помощь. А не драмы в мессенджерах.

Двести миллионов он назвал сразу. Про мою работу, про меня — ни слова. Я дала ему договорить и убрала телефон от уха: в следующий раз эта цифра пригодится мне больше, чем его «настоящая помощь».

Отключив вызов, я посмотрела на последний ответ в чате. Там стояло сердечко от свекрови под постом Виктории. И сообщение, адресованное Денису, которое случайно осталось видимым для всех (или было показано специально): «Молодец, держи жену в ежовых рукавицах, а то совсем распоясалась. Дом мой, и правила здесь тоже мои».

Я прочитала свекровино «дом мой» дважды. Когда нужно было выбрать плитку и переделывать неудачную планировку, дом считался нашим. Когда я спросила мужа о чужой женщине — из него исчезло мое право даже на вопрос. Сохранила и этот ответ. Пусть потом не рассказывает, что просто желала нам помириться.

Наутро я пошла в бюро, хотя почти не спала. На работе хотя бы можно было спросить о размере лепнины и получить ответ о размере лепнины. У кофемашины коллеги замолчали, когда я приблизилась. За кофе я не остановилась: Сергей Петрович уже звал к себе.

Начальник, Сергей Петрович, вызвал меня к себе в кабинет. Я положила на край его стола эскиз лепнины для особняка на Пречистенке. Делала ночью, проверила размеры перед выходом. Хотелось начать с этого листа: на нем у меня было что объяснять и за что отвечать, в отличие от фотографии в лифте.

Сергей Петрович не взял листок. Он снял очки и потер переносицу. — Марго, — начал он тяжело. — Денис звонил мне вчера вечером. Просил, чтобы ты не нервничала. Говорил, что ты нестабильна, что тебе нужен отпуск. Он очень беспокоится о твоём состоянии.

Я придвинула эскиз к Сергею Петровичу. Он продолжал смотреть на меня, а не на лепнину, и это испугало сильнее вчерашнего чата. Сюда я приносила расчеты, за которые отвечала сама. Денис уже добрался и сюда, занял мое место, поговорил обо мне без меня. Если сейчас уйду, завтра заказчик услышит то же самое.

— Я не беру отпуска посреди проекта, — сказала я, чувствуя, как дрожат пальцы, которые я сжала в кулак под столом. — Я справлюсь.

— Уверена? — он все еще держал очки в руках. — Проверьте эскиз. Не Дениса, меня. Если там ошибка, скажите где. Сергей Петрович наконец потянул лист к себе. Я разжала кулак под столом, по одному пальцу.

Глава 3

Вечером я вернулась домой. Дверь была открыта. Внутри пахло чужими духами — дорогими, сладковатыми, с нотами сандала. Духами Виктории. В гостиной горела только настольная лампа. На журнальном столике лежала папка с документами и ключи от моей машины. Рядом — записка, написанная его угловатым почерком:

«Я уехал к Виктории "для переговоров". Ты остаешься здесь одна. Не трогай мои вещи. И да, карты заблокированы до выяснения обстоятельств. Твоя истерика вредит бизнесу».

Я попробовала убрать записку подальше от ключей и не смогла: прочитала еще раз про карты. За работу над проектом мне уже заплатили. Деньги были, мои деньги. Муж запрещал мне тратить их так буднично, словно просил не трогать его рубашку. Взяла ключи и паспорт. Утром спрощу в банке, что именно он заблокировал.

На следующее утро я пошла в банк. Нужно было снять наличные хотя бы на еду. В очереди я пересчитала, сколько дней прошло с оплаты проекта. Никакой задержки уже не могло быть. Оператор сверила паспорт с данными на экране и повернулась ко мне. — К сожалению, ваша дополнительная карта заблокирована владельцем счета компании. Деньги лежат на его счете; снять их по вашей карте я не могу.

Я вышла из отделения с паспортом, зажатым в кулаке. Денис приучил меня получать оплату через его компанию: «Так удобнее с налогами». Теперь за удобство пришлось платить. В супермаркете рядом я взяла корзину — проверю хотя бы вторую карту. Она тоже была привязана к его счету, но могла еще работать. Хлеб, молоко, яблоки. Просто чтобы не умереть с голоду сегодня. На кассе терминал считал карту и выдавал ошибку: «Карта не активна». Охранник у входа смотрел на меня с недоумением. Люди в очереди начали перешептываться. — Вы можете оплатить другим способом? — спросила кассирша, глядя сквозь меня. Я выложила товары обратно на ленту. Яблоки покатались к хлебу, кассирша придержала их ладонью. Ее обычная помощь чуть не заставила меня расплакаться. Я кивнула вместо благодарности и отошла от кассы. На плитке у выхода хотелось остановиться и ждать, что кто-то догонит с моими продуктами. Никто не догнал. Денис знал, сколько у меня наличных, когда блокировал карты.

Вечером я села на диван в пальто. До кухни было несколько шагов, но снова видеть чистую плиту и вспоминать его рис с креветками не хотелось. Открыла переписку с Викто-

рией. «Ты довольна?» — два слова, которых не стоило ей дарить. Стерла. Она бы показала их Денису, и они бы обсудили, насколько успешно довели меня сегодня.

Но я не встала. Я осталась сидеть.

И тогда я заметила странность.

Ранее утром, просматривая фото в чате снова и снова, я обратила внимание на детали, которые ускользали от эмоционального шока. На фото были видны верхние края зеркальных панелей, а лицо Дениса — чуть сверху. Вытянутый вперед телефон дал бы другой ракурс. Стандартная камера в ЖК «Аврора» смотрела на двери, но здесь объектив был направлен вглубь кабины. Кто-то изменил угол съемки.

Камера наблюдения.

Денис установил новые камеры в лифтах полгода назад. Он говорил, что это ради безопасности жильцов. Я не спорила: в доме было много семей с детьми. Теперь хотелось узнать, кто еще пользовался записями.

В планшете я нашла свою рабочую версию плана здания, сделанную еще до свадьбы. Увеличила технический этаж. Там были люки и каналы коммуникаций — вещи, о которых жители не думали, пока работали вода и свет. До сервера камер можно было добраться через техническую шахту. Я помнила этот участок лучше жилых комнат.

Но есть нюанс. Камера в лифте могла быть повернута вручную только специалистом, имеющим физический доступ к монтажной коробке. Или человеком, который знал расположение этих коробок лучше всех.

Кем был тот человек, который спроектировал этот дом?

Я провела пальцем по линии скрытого технического канала на плане и задержала его у поворота. Этот проход не фигурировал на рекламных планах квартир; Денис мог забыть, что у меня осталась рабочая версия. Я придвинула планшет к лампе. Слезы никуда не делись, одна упала на рукав, но смотреть я уже хотела на чертеж, а не на лицо Виктории.

Я открыла блокнот и взяла ручку. Первая строка: «Денис. Владелец системы. Заказчик монтажа». Вторая строка: «Виктория. Соучастница. Знает схему?»

Я обвела имя Дениса. Заказать монтаж мог он, выбрать кадр — тоже. Версия об инсценировке объясняла, почему Виктория не спрятала фотографию, а отправила всем. Она мне не нравилась: если я права, меня унижали намеренно. Проверять все равно придется.

Я перевернула страницу. Начало списка имен тех, кто имеет физический доступ к серверу и знает планировку технических люков. Первый пункт: «Денис». Второй пункт: «Я».

Я посмотрела на эти два имени. Два человека с одной схемой здания — и только один из них думал, что второй умеет лишь плакать. Лист я не вырвала. Оставила блокнот открытым и начала отмечать проходы.

Поздно вечером Денис вернулся. Он стоял в дверях спальни, скрестив руки на груди. Он занял дверной проем целиком; мне пришлось повернуться боком, чтобы пройти к вещам. Он не подвинулся. Я сунула в рюкзак паспорт, ключи от машины, планшет и папку с рабочими чертежами реставрационного проекта, над которым билась последние полгода. Пальцы дрожали, но я заставила их слушаться.

— Ты что делаешь? — его голос прозвучал ровно, без тени удивления. Как будто он ждал этого момента годами.

— Ухожу, Денис. Пока ты не вызвал полицию и не начал орать про «домашнюю истерику».

Он усмехнулся и шагнул ближе. Я отступила к стене, злость на себя вспыхнула сразу: опять уступила ему место. Рюкзак зацепился за угол, я дернула его, не дожидаясь помощи. Денис смотрел на ремень так, будто я уже что-то украла.

— Твои вещи? — спросил он, кивнув на угол комнаты.

Я посмотрела туда, куда он показал. Сначала решила, что домработница забыла вынести мусор. В углу, у самой входной двери, лежали два огромных черных мусорных пакета. Они были завязаны узлом. Внутри виднелись контуры моих книг, свитеров, даже любимой кружки с трещинкой. Все было упаковано заранее. Не в коробки, не в чемодан. В мусорные мешки.

— Это... мои вещи. На узле пакета виднелся угол любимого свитера. Я потянула его на себя, Денис не помог.

— Нет, Марго. Это хлам, который я собрал для уборки. А всё остальное — имущество компании, то есть моё. Дом оформлен на маму. Ты здесь гостя. И гости не имеют права забирать мебель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.